

Павлова Е.В.

Теологические и философские источники творчества Г. Мелвилла

Таинство отношений между человеком и Богом пытались постичь многие философы и писатели всех времен. Для Германа Мелвилла эта проблема имела принципиальное значение на протяжении всего творчества. Для решения этой сложной теологической проблемы писатель избрал ряд стилистических приемов: иронию, символ, риторику. Его ирония относительно библейских цитат, героев или сюжетов чаще оказывается завуалированной и нередко принимает драматическую окраску.

Постичь духовный мир Г. Мелвилла, понять его убеждения, религиозные верования и сомнения крайне важно, так как внутренний мир писателя всецело определяет его художественный мир. Некоторые религиозные убеждения Мелвилла приобрели постепенно литературную форму.

Известный американский литературовед Лоренс Томпсон подчеркивает, что четвертый роман Мелвилла, “Редберн”, является не только автобиографическим произведением, но и выражает три стадии духовного развития писателя, так называемые “фазы утраты иллюзий”¹. Таким образом, Томпсон делает ошибку, отождествляя главного героя и автора. Первая стадия - “религиозный идеализм” - характеризуется несоответствием между религиозными идеалами и реальностью, которое обнаруживается при столкновении с жестоким окружающим миром. Вторая фаза – “модифицированный идеализм”. На этой стадии происходит анализ и сравнение повествующим лицом предшествующих мыслей и настоящих (в “Редберне” – ретроспективное повествование). И, наконец, третья фаза обнаруживает скрытый скептицизм и сатирическое отношение Мелвилла к унаследованной им кальвинистической вере, протест

против авторитаризма, который ограничивает свободу человека и препятствует его самовыражению. Фактически концепция Томпсона не совсем верна, так как автор полностью отождествляет Мелвилла и главного героя романа – Редберна. Исходя из того, что Редберн – это все же вымышленный персонаж, а роман не является полностью автобиографическим, можно предположить, что вторая стадия является фиктивной.

Лоренс Томпсон прослеживает близкое сходство между еретическими взглядами Г. Мелвилла и предшествующими ему еретическими настроениями². С этой целью он обращается к европейской истории XVI века, когда противоборствовали две противоположных концепции: реформистская и антиреформистская. Реформисты строго следовали библейским принципам, подчинению законам Божиим и видели полное спасение души и искупление всех грехов только через смиренное послушание Господу. Древняя языческая концепция, вновь ставшая популярной в эпоху Ренессанса, отстаивала свободу человека, его природную физическую силу и силу духа. По мнению сторонников антиреформистской концепции, человек мог достичь полной самореализации без участия сверхъестественных сил. Эти противоположные точки зрения на природу человеческого Бытия остаются полярными и по сей день, так как первая утверждает верховную власть Бога, вторая – высшую власть человека над природой.

Мелвилл унаследовал от своих предков теологический склад ума. Его воспитывали на учении Жана Кальвина, которое проповедовало мирской аскетизм, умеренность, бережливость и базировалось на концепции божественного предопределения одних людей – к спасению, других – к осуждению. Кальвинистическая традиция прочно утвердилась в семье на протяжении многих поколений. Прапрадед

Мелвилла, гордость семьи, почти полвека прослужил священником в Шотландской церкви. Дед, Томас Мелвилл, серьезно изучал богословие в Принстоне. Отец, Аллан Мелвилл, ощущал невидимое присутствие Творца во всем и глубоко верил в то, что Провидение непременно направит его к успеху и процветанию. Чтобы выразить свое почтение и смиренность перед Господом, он всегда писал Его имя тремя заглавными буквами (GOD). Аллан Мелвилл был убежден в необходимости обучения своих детей христианским доктринам с раннего детства. Детей регулярно водили в церковь, все религиозные семейные традиции тщательно и строго соблюдались. Влияние унитарийского воспитания впоследствии заметно скажется на творчестве Германа Мелвилла. Не случайно большинство героев его произведений ищут гармонии в духовном общении с Творцом (Пьер, Редберн, Измаил, Белый Бушлат). Сам писатель стремился достичь такой гармонии, часто вступая в спор с самим собой на страницах романов.

Когда Г. Мелвиллу исполнилось восемнадцать лет и он отправился в свое первое морское путешествие, христианские идеалы прочно укрепились в его сознании. Однако эмпирическое познание внесло в его душу сомнение, разочарование и повлекло утрату прежних иллюзий относительно окружающего мира. В первых двух приключенческих романах “Тайпи” и “Ому” Мелвилл подверг резкой критике кальвинистическую догму. Писатель высмеивал миссионеров, благодеяния и старания которых далеко не всегда приносили успех и творили добро. С едкой иронией автор описывает, как миссионеры намеренно преувеличивают ужасы язычества и навязывают свою веру. Принесенные миссионерами болезни, пороки, смерть превратили аборигенов в “тягловую скотину”, в “цивилизованных и христианизированных”³ существ. Мелвилл был против варварской

цивилизации: “Пусть дикаря цивилизуют, но пусть его цивилизуют благами, а не пороками цивилизации. И язычество пусть будет уничтожено, но не путем уничтожения язычников... Цивилизация поспешно сметает последние остатки идолопоклонничества с лица земли, но вместе с ними она уносит и самые жизни затравленных идолопоклонников”⁴. Не менее саркастично описана Мелвиллом сцена с женой одного из миссионеров, которая запрягла в двуколку двух дикарей и разъезжала, словно госпожа, в то время как в Англии она гоняла на выпас коров. Основная идея Мелвилла относительно деятельности миссионеров выражена в следующих строках романа: “Миссионерство хотя и благословенное небесами, но все дело рук человеческих, подверженное, как и все людские дела, ошибкам и злоупотреблениям... Неосновательная вера в святость апостолов, склонность провозглашать их непорочными и нетерпимость ко всем, кто осмелится усомниться в их человеческой и христианской безупречности, - таковы спокон веку заблуждения Церкви”ⁱ. Таким образом, Мелвилл подвергает жестокой критике “дружную неумелую работу всех миссионеров”, которая породила “множество зол” и “подала пагубный пример безнравственности”ⁱⁱ. Насажденная цивилизация “щедро отсыпала им [туземцам] свои пороки, но поспешила дарить свои блага”. В заключении Мелвилл иронически выражает надежду, что сделанные “разоблачения, вызвав интерес, послужат полезному делу христианизации островов”ⁱⁱⁱ.

В “Марди” духовная борьба Мелвилла между верой и сомнениями усиливается и достигает кульминации, но писатель все же сохраняет свои принципиальные религиозные убеждения. Веруя в Бога, Мелвилл не приемлет Его тиранию, чрезмерную суровость и жестокость. В “Редберне” горькая ирония писателя относительно некоторых принципов христианской доктрины чаще всего оказывается

скрытой. Признавая первородство греха, Мелвилл выражает надежду на искоренение человеческих пороков. Писатель осуждает бессилие духовенства помочь человечеству преодолеть греховность и социальное зло. “We talk of the Turks, and abhor the cannibals; but may not some of them go to heaven before some of us? ... Not until we have learned that one grief outweighs ten thousand joys will we become what Christianity is striving to make us”^{iv}. – “Мы говорим о турках и ненавидим каннибалов; но не могут ли некоторые из них уйти на небеса раньше некоторых из нас? ... Только когда мы узнаем, что одна печаль перевешивает десять тысяч радостей, мы станем такими, какими христианство стремится сделать нас”^v.

Рассуждения Мелвилла о социальной несправедливости достигают кульминационного момента, когда он описывает умирающую от голода нищенку с детьми в Ливерпульских трущобах: “Ah! What are our creeds, and how do we hope to be saved? Tell me, oh Bible, that story of Lazarus again, that I may find comfort in my heart for the poor and forlorn. Surrounded as we are by the wants and woes of our fellow men, and yet given to follow our own pleasures, regardless of their pains, are we not like people sitting up with a corpse, and making merry in the house of the dead?”^{vi} – “Ах! Какова наша вера, и как мы надеемся спастись? Расскажи мне, о Библия, ту самую историю Лазаря снова, чтобы я мог быть спокоен за бедного и несчастного. Окруженные нуждой и горем своих товарищей, и все же не лишенные жизненных удовольствий, мы безразличны к их боли. Не похожи ли мы на людей, сидящих над трупом и веселящихся в доме умершего?”

В “Белом Бушлате” Мелвилл продолжает порицать порок: пьянство, азартные игры, распутство моряков на военном корабле и в особенности телесные наказания. С едкой иронией автор называет военные корабли “Floating Hells” (“Ад на плаву”), “precise the reverse

of what any Christian could desire” (“полной противоположностью тому, что желает любой христианин”)^{vii}. Горькая ирония состоит в том, что хотя судовые священники читают молитвы дважды в день и исповедуют моряков каждое воскресенье, порок продолжает поглощать души грешников, которые служители Господа якобы пытаются спасти. Сатирический портрет капеллана на борту корабля “Нетонущий” настолько тонок и гениален, что, безусловно, ставит под сомнение бессмысленное пребывание судовых священников на военных кораблях, которые не выполняют своих прямых обязанностей: “Fancy, now, this transcendental divine standing behind a gun-carriage on the main-deck, and addressing five hundred salt-sea sinners upon the psychological phenomena of the soul, and the ontological necessity of every sailor’s saving it at all hazards. He enlarged upon the follies of the ancient philosophers; learnedly alluded to the *Phaedo* of Plato; exposed the follies of *Simplicius’s Commentary on Aristotle’s “De Coelo,”* by arraying against that clever pagan author the admired tract of Tertullian – *De Praescriptionibus Haereticorum* – and concluded by a Sanscrit invocation. He was particularly hard upon the Gnostics and Marcionites of the second century of the Christian era; but he never, in the remotest manner, attacked the everyday vices of the nineteenth century, as eminently illustrated in our man-of-war world. Concerning drunkenness, fighting, flogging, and oppression – things expressly or impliedly prohibited by Christianity – he never said aught. But the most mighty commodore and captain sat before him, and in general, if in a monarchy, the state form the audience of the church, little evangelical piety will be preached. Hence, the harmless, noncommittal abstrusities of our chaplain were not to be wondered at”^{viii}. “Вообразите теперь этого выдающегося богослова, стоящего позади лафета на верхней палубе и обращающегося с речью к пятистам просоленным морем грешникам о

психологических состояниях души и онтологической потребности спасения души каждого моряка в любых опасностях. Он распространялся о безрассудстве древних философов, со знанием дела ссылаясь на “Федона” Платона; разоблачал безумные комментарии Симплисиуса по поводу аристотелевского “De Coelo”, противопоставляя этому умному языческому автору восхитительный трактат Тертуллиана – “Praescriptionibus Haereticorum” (“Предписание иеретиков”), и завершал свою речь воззванием к богу на санскрите. Он был особенно строг с гностиками и последователями Маркиона второго столетия Христианской эры; но он никогда, даже в малейшей степени, не порицал каждодневные пороки девятнадцатого столетия, которые так очевидны на нашем военном корабле. Относительно пьянства, драк, телесных наказаний и притеснений - явно или косвенно запрещенных Христианством - он никогда ничего не говорил. Зато самый могущественный коммодор и капитан сидел перед ним, и вообще, если в монархии власть формирует аудиторию из духовенства, немного евангелистского благочестия будет проповедоваться. Следовательно, безобидные, уклончивые неопределенности нашего священника не должны были вызвать удивления”.

Существуют две основных точки зрения на проблему эволюции религиозных взглядов Г.Мелвилла^{ix}. Первая заключается в том, что писатель выработал свою собственную религиозную концепцию, как бы преобразовав ее согласно своим собственным понятиям и идеалам. Другая точка зрения предполагает, что представление Мелвилла о Боге согласно кальвинистической традиции постепенно развилось в скептическое отношение и, более того, отрицание существования Бога.

Научное исследование творчества писателя позволяет сделать вывод, что Мелвилл выработал свою собственную сложную систему стилистических и структурных приемов отображать свои еретические

взгляды иносказательно. Эта система базируется на библейских ассоциациях. В действительности Мелвилл никогда не сомневался в существовании Творца. Для него существенным и острым вопросом было молчание Господа в трудных ситуациях, которое представлялось писателю несправедливым. Мифологическое мышление преобладало в его сознании, и для Мелвилла представление о Боге отождествлялось с поиском Истины. Бог являлся источником Правды (Истины), к которому мог обратиться каждый.

Библия была одной из настольных книг Г. Мелвилла. Он ценил ее красоту с литературной точки зрения, восхищался ее стилем. Особый интерес вызывал у писателя “Новый Завет”. Перечитывая по несколько раз библейский текст, Мелвилл делал критические заметки. Нередко на страницах Библии он находил иронию.

Американский литературовед Натали Райт утверждает, что две трети из шестисот пятидесяти ссылок Мелвилла на Священное Писание приходятся на Ветхий Завет^x. Такое большое количество ссылок, безусловно, обнаруживает интерес Мелвилла к различным интерпретациям христианской доктрины. В “Марди”^{xi} и “Мошеннике”^{xii} писатель ссылается на концепцию Августина о первородстве греха и принцип божественного предопределения. В “Редберне”^{xiii}, “Моби Дике”^{xiv} и “Марди”^{xv} упоминается имя основателя протестантизма – Мартина Лютера, который видел человеческое спасение в искренности веры и был против посредничества церкви и духовенства между человеком и Богом.

Важнейшей особенностью мелвилловской прозы является двойственное восприятие действительности. В истории философии диалектика, как способ мышления, принимала различные формы. Можно говорить о диалектике Платона и Сократа, Кузанского и Спинозы, Дидро и Канта.

Важную роль в формировании философского мировоззрения Германа Мелвилла сыграло учение Платона о диалектическом пути познания мира. Пожалуй, его имя упоминается в произведениях Мелвилла чаще, чем имена других философов. В своем письме к Е. Дайкингу Мелвилл упоминал о знаменитом платоновском диалоге о бессмертии – “Федоне”, который помогает ему “поддерживать равновесие над Бейлем” (“to keep his balance over Beyle”^{xvi}).

Имена других древнегреческих философов также появляются на страницах многих мелвилловских романов: Аристотель, Цицерон, Плутарх^{xvii}. Стремление к совершенству, вопрос о высшем благе и добродетелях находятся в центре внимания писателя и способствуют решению некоторых этических проблем.

Воспитанный в христианской традиции, Мелвилл особенно чтит Луция Аннея Сенеку, крупнейшего представителя римского стоицизма, и цитировал его заповеди в “Марди”^{xviii} и “Редберне”^{xix}.

Хотя философы писали об умственных явлениях с древних времен, философия разума не находилась в центре внимания до появления работы французского философа Рене Декарта в семнадцатом столетии. Работа Декарта ознаменовала поворотный момент в философской мысли относительно мышления, сделав строгое различие между телом и разумом, физическим и умственным. Этот дуализм между разумом и телом, известный как картезианский дуализм, породил с тех пор существенные проблемы в философии: проблему идентичности личности, бессмертия, искусственного интеллекта.

Одной из центральных философских проблем в творчестве Германа Мелвилла является проблема идентичности личности.

В течение многих лет развития западной истории мышление отождествлялось с душой, как, например, трактуется в христианском

богословии. Согласно христианской доктрине, душа - источник идентичности (тождественности) человека и считается нематериальной; она способна продолжить свое существование и после смерти тела. Концепция Декарта о мышлении как отдельной, нематериальной субстанции соответствует такому пониманию души.

Декарт полагал, что имеются два основных вида вещей в мире, и развил дуалистическое учение о телесной субстанции (материи). Для Декарта принципы существования этих двух групп вещей — тел и мыслящих душ — полностью отличаются друг от друга. Тела существуют в пространстве, в то время как душа существует благодаря мышлению. Согласно Декарту, ничто не может дать телу мышление и сознание, так как мыслить не значит находиться в пространстве.

Для Декарта человеческое тело и мыслящая душа могут тесно взаимодействовать друг с другом, но это взаимодействие двух субстанций. Таким образом, по Декарту, сущность тела - в протяжении, сущность души - в мышлении.

Материалистические теории о субстанции не соответствуют традиционной западной концепции души. С материалистической точки зрения, как только физическое тело разрушено, ничего продолжающего свое существование не остается. Некоторые философы-идеалисты (Питер Беллис, Марк Данфи, Джоанна Кардукс, Э. Эрикссон) полагают, что концепция идентичности личности может быть построена, так как она дает возможность существования жизни после смерти без обращения к отдельным нематериальным субстанциям.

Романтическое двоемирие – основа восприятия Г. Мелвиллом действительности. Сознание - сложный, многомерный феномен. Расщепление сознания описывали многие философы. Немецкий

философ-идеалист Эрнст Кассирер разграничивал мифологическое и рационально-логическое познание, Артур Шопенгауэр выделял гениальное познание наряду с обычным. Леви-Брюль вполне обоснованно разделял логическое и прелогическое сознание^{xx}. Леви-Брюль высказывался о необходимости синтеза двух типов мышления. Прелогическое мышление является синтетическим по своей сути, оно не склонно к анализу, характеризуется целостным мгновенным охватыванием явления (например, поэзия), для него нет разделения на мистический и физический мир, есть только один мир. Герман Мелвилл также пытался синтезировать мифологическое и рациональное мышление, однако в нём преобладало (если придерживаться классификации Леви-Брюля) прелогическое сознание. Особенность мелвилловской художественной прозы состояла в том, что она представляла собой “некий костяк из действительных фактов”, мыслью и воображением писателя обретающих “плоть, нервы и красоту”^{xxi}, - как писал автор в одном из писем к Н. Готорну.

Догматы двойного сознания восходят к метафизической философии двойного сознания Канта. Немецкий философ различал “вещи в себе”, которые являются непознаваемыми, и явления, которые обнаруживаются с помощью опыта и, следовательно, являются познаваемыми. Основанием для дуализма “вещей в себе” и “явлений” послужило кантовское учение об антиномичности разума (т.е. раздваивании в противоречиях), которое дало положительный толчок для развития диалектики в немецком классическом идеализме.

Влияние на творчество Г. Мелвилла метафизической философии двойного сознания наиболее четко проявляется в ранних романах и романах среднего периода творчества писателя. В “Марди” Баббаластья является носителем философии двойного сознания. В “Белом бушлате” двойственными сторонами оказываются мораль и демократия. В “Моби

Дике” противопоставляются и сравниваются “сознание разума” (“conscience of Reason”) и “сознание понимания” (“conscience of understanding”)^{xxii}. В “Редберне” главный герой, пускаясь в физическое и духовное путешествие, ищет восстановления целостности “себя”, “разделённое психологическими конфликтами и восприятием противоречий внутри как социальной структуры, так и космоса”^{xxiii}.

Среди философов семнадцатого века Мелвилл ценил Френсиса Бэкона, Бенедикта Спинозу и Томаса Гоббса. Хотя писатель в целом отвергал пантеистическую философию Спинозы, он считал ее одной из величайших систем и также считал одним из критериев истины ясность и четкость. В своих произведениях (“Израиль Поттер”^{xxiv}, “Ому”^{xxv}, “Моби Дик”^{xxvi}, “Пьер”^{xxvii}) автор делает многочисленные ссылки на Томаса Гоббса, восхищается стилем философа, называя его “образцом ясности” (“paragon of perspicuity”^{xxviii}). Мелвилл был хорошо знаком с теорией Джона Локка о врожденном человеческом разуме, в основе которой опыт является единственным источником идей.^{xxix}

Писателю был близок скептицизм и утилитаризм Давида Юма. В своем четвертом романе “Редберн” Мелвилл восхищается содержательностью философской мысли Юма: “From every page of David Hume there is more to be learned from the collected philosophical works of Hegel, Herbart and Schleiermacher together”^{xxx}. – “Из каждой страницы Давида Юма узнаешь больше, чем из философских собраний сочинений Гегеля, Гербарта и Шлейермахера вместе взятых”.

Однако из этого не следует, что Г. Мелвилл был противником гегелевской философии. Диалектика Гегеля, содержащая в себе принцип диалога, подчиненного Логосу, послужила основой для художественного приема Мелвилла – внутреннего диалога персонажей. Пожалуй, как и у Гегеля, спор индивидов (мелвилловских героев) превращается в диалог разума с самим собой (монолог). У Гегеля

синтез заключается в слиянии противоположных определений, у Мелвилла – в сочетании мифа и реальности. В обоих случаях в конечном итоге получается новая, богатая содержанием реалья. Гегель исходил из принципа тождества мышления и Бытия. Одна из центральных философских проблем в творчестве Мелвилла – проблема идентичности личности, тождества самому себе.

Приобретенный Мелвиллом эмпирический опыт при изучении философских и теологических доктрин имел колоссальное значение для формирования своеобразного мировоззрения, двойственного и символического восприятия окружающего мира и совершенствования творческого метода и стиля писателя. Возникшие в результате эмпирического познания скептицизм и сатирическое отношение к прежним кальвинистическим идеалам породили сомнения в правильности некоторых христианских доктрин. Однако эти сомнения не помешали Мелвиллу искренне и оптимистично верить в искоренение пороков цивилизации и неустанно искать критерии истины.

---

¹ Thompson L. Melville's quarrel with God. – Princeton, N.Y., 1966. - P.75.

² Thompson L. Melville's quarrel with God. – P.4.

³ Мелвилл Г. Собрание сочинений: в 3т. – Л., 1987. – Т.II. - С.184.

⁴ Указ. соч. - С.183.

ⁱ Указ. соч. – С.185.

ⁱⁱ Указ. соч. – С.185.

ⁱⁱⁱ Указ. соч. – С.185.

^{iv} Braswell W. Melville's religious thought. An essay in interpretation. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1943. - P.42.

^v Здесь и далее перевод автора.

^{vi} Melville H. Collected edition: in 3 v. - N.Y., 1983. - V.I. - P.204.

^{vii} Ibid. - P.743.

^{viii} Ibid. - P.510.

^{ix} Thompson L. Melville's quarrel with God. - P.5.

^x Wright N. Biblical Allusion in Melville's Prose // American Literature. - May, 1940. - P.185.

^{xi} Melville H. Collected edition: in 3 v. - N.Y., 1983. - V.I. - P.669.

^{xii} Ibid. - V.III. - P.1023.

^{xiii} Ibid. - V.II. - P.185.

-
- xiv Ibid. - V.II. - P.933.
- xv Ibid. - V.I. - P.673.
- xvi Braswell W. Melville's religious thought. An essay in interpretation. – P. 13.
- xvii Melville H. Collected edition. – V.II. - Pp.79, 217, 933.
- xviii Ibid. - V.I. - P.669.
- xix Ibid. . - P.217.
- xx Шогенцукова Н.А. ОПЫТ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ. - М., 1995. - С.10
- xxi Melville H. The letters of H.Melville. - New Haven: Yale University Press, 1960. - P.105.
- xxii Dunphy Mark R. Double consciousness in Melville's middle novels. – The University of Tulsa, 1985. - P.141.
- xxiii Kardux J. C. The improper self: identity and writing in Melville's early work (“Type”, “Mardi”, “Redburn”, ‘anti-travel narrative, anti-Bildungsroman’). – Cornell University, 1985. - P. 230.
- xxiv Melville H. Collected edition. – V.III. - P.477.
- xxv Ibid. - V.I. - P.336.
- xxvi Ibid. - V.II. – P.862.
- xxvii Ibid. - V.III. - P.311.
- xxviii Braswell W. Melville's religious thought. An essay in interpretation. - P. 13.
- xxix Melville H. Collected edition. – V.II. - P.522.
- xxx Ibid. - V.II. - P.317.